

Глава 11: Извращенец

До тех пор, пока Чи Мо не развернулся и не пошёл обратно, переходя от тусклых фонарей старого квартала к яркому свету элитного района, Ли Жань провожал его взглядом. Высокий, статный силуэт господина Чи казался воплощением надёжности.

Ли Жань, замороженный, так и стоял, забыв спросить, почему Чи Мо в восемь вечера в одиночестве находился на улице, почему окликнул его и зачем дал шоколад, да ещё такой горький.

Он знал лишь одно: возвращаясь домой, он был в на удивление хорошем настроении.

Телефон, которым юноша пользовался в основном для звонков и сообщений, сегодня впервые за долгое время играл музыку.

Лёгкая, радостная мелодия.

Выслушав излияния госпожи Ли, Ли Жань и сам почувствовал, как с плеч свалился тяжкий груз. Принимая душ, он напевал в такт музыке. В наполненной паром ванной его голос отдавался эхом, и казалось, что даже его фальшивое пение звучит прекрасно.

Ли Жань подобрал тот самый камешек и принёс его домой. Сейчас он намыливал его в ладонях, усердно оттирая грязь.

Камешек оказался белым.

Обычная галька. Кто-то, наверное, выковырял её с парковой дорожки, наигрался и выбросил.

Чистый, он был белым и пухлым.

Сначала парень брезговал им из-за грязи, но, отмыв, нашёл находку весьма симпатичной.

Он положил белый камешек рядом со стаканчиком для зубной щётки, чтобы видеть его каждое утро и вечер и вспоминать этот день.

Хотя он и сам не знал, что в сегодняшнем дне было такого особенного. Но ему просто хотелось запомнить.

Во рту всё ещё стояла горечь. Стоило о ней подумать, и Ли Жань, словно заново откусив кусок шоколада, запоздало вздрогнул.

Как люди могут есть горькое?

Нужно есть сладкое.

Но... Ли Жань отчётливо помнил, как в тот момент, когда горечь шоколада атаковала его язык, вся тоска от осознания того, что мама больше не только его мама, мгновенно рухнула, сметённая, словно лавиной.

Юноша усердно чистил зубы пять минут, пока рот не наполнился пеной с лимонно-мятным ароматом.

Когда горечь окончательно исчезла, он несколько раз прополоскал рот, избавляясь от остатков пасты.

Перед сном Ли Жань надел чистую, мягкую пижаму своего любимого зелёного цвета. Он с разбегу плюхнулся на кровать, утонув в одеяле и подушках, и блаженно вздохнул.

Постельное бельё только вчера было выстирано и высушено на солнце, и вся кровать пахла теплом и свежестью.

Ли Жань обожал это ощущение — лежать, укутавшись в солнечный аромат, словно в тёплых объятиях. Он раскинул руки, захватывая свою территорию, и сгрёб одеяло к лицу.

Глубокий вдох, тихий выдох.

Ли Жань быстро уснул.

Следующий день был пасмурным. Суббота, в школу не нужно. Но Ли Жань всё равно проснулся рано и пошёл на рынок.

Не то чтобы ему не хотелось поспать, просто биологические часы уже привыкли к ранним подъёмам. Поэтому он ходил за продуктами каждый день. Есть свежие овощи тоже вошло в привычку.

«Сегодня времени много, можно и поторговаться»

Ли Жань сосредоточенно разглядывал прилавки.

Покупатели в основном были женщины в возрасте, и почти у каждого прилавка кипели

словесные баталии. Проходя мимо очередного «места сражения», юноша останавливался, чтобы послушать и набраться опыта.

Тётушки говорили:

— Скиньте цену.

Продавцы отвечали:

— Да это и так себестоимость, дешевле только даром отдать.

Вокруг было шумно, но Ли Жань внимательно слушал. Из десяти «войн» он насчитал девять побед на стороне покупательниц и лишь одну — на стороне продавцов.

Такое соотношение вселило в него уверенность. В обычно робком юноше проснулся редкий боевой дух. Он решил не упускать момент.

Продавец свежего бок-чоя только что закончил спорить с одной из покупательниц и, вздыхая, укладывал овощи в пакет.

— Ладно, ладно, будь по-вашему.

Победительница с довольной улыбкой удалилась.

Ли Жань, решив воспользоваться моментом, пока продавец был подавлен поражением и не готов к новой битве, быстро выбрал несколько красивых кочанов, положил их в пакет и, собрав всю свою смелость, сказал:

— Дяденька, можно подешевле?

Голос его прозвучал довольно уверенно, но на утреннем рынке царил невообразимый шум.

Дяденька приложил руку к уху.

— Что ты сказал?!

— ... — смелость начала улетучиваться. Ли Жань сжал кулаки и повторил громче, но уже не так уверенно: — ...Подешевле, дяденька.

Продавец тут же насторожился. Предыдущая битва не истощила его силы. Юноша был ещё

слишком молод и неопытен. Если бы он понаблюдал подольше, то понял бы, что любой торговец, независимо от масштаба своего бизнеса, будет защищать цену с двухсотпроцентным усердием.

Дяденька прищурился, оглядывая чисто одетого, красивого мальчика. Но лицо у того было слишком уж умное, наверняка язык подвешен хорошо. Продавец приготовился к бою.

— Не могу, парень. Я в три часа ночи за товаром ездил, трудился, не покладая рук. И так по себестоимости продаю, дешевле некуда.

Лицо Ли Жаня стало серьёзным. Дяденька приготовился к словесной дуэли, но вместо этого услышал, как парень, запнувшись, кивнул:

— Ладно, хорошо... хорошо.

Оказалось, просто робкий мальчишка.

Дяденька вздохнул, теряя весь боевой задор.

— Ладно, скину немного.

На обратном пути руль велосипеда был увешан пакетами. Улов был богатым. Ли Жань, наслаждаясь утренним ветерком, в восьмидесятый раз за утро возгордился своей удачной сделкой.

Настроение было прекрасным, пока на повороте он не столкнулся с «Куллинаном».

Окно со стороны водителя было опущено, и Ли Жань увидел холодный профиль Чи Мо, выглядевший так, будто с самого утра ему кто-то задолжал восемь жизней.

Надо же, не Шэнь Шу за рулём...

Хотя в последнее время они довольно много общались — Ли Жань был у офиса господина Чи, тот давал ему шоколад, — Ли Жань, проживший семнадцать лет в своей раковине, не мог так просто изменить своей натуре.

Столкнувшись с трудностью, он инстинктивно прятался. А Чи Мо, очевидно, был самой сложной из всех возможных проблем.

День был пасмурный, но выражение лица мужчины было ещё мрачнее.

Увидев его холодный профиль, чётко очерченную, но ледяную линию подбородка, высокий и неприступный нос, идеальные, но безразличные черты... Ли Жань не осмелился даже поздороваться.

Вспомнив, как вчера разозлил Чи Мо, он лишь сильнее понурил голову и принялся искать на асфальте что-нибудь интересное. Он боялся, что господин Чи не захочет с ним разговаривать, а если он навяжется, то разозлит его ещё больше.

...хотя Ли Жань понятия не имел, чем он его обидел.

На земле у обочины маленький муравей нашёл крошку хлеба. Он радостно побежал обратно, нашёл товарища и, коснувшись его усиками, передал информацию о находке.

Вскоре к еде выстроилась длинная, упорядоченная очередь.

Ли Жань с интересом наблюдал за насекомыми.

Когда он снова поднял голову, «Куллинан» и его владелец уже исчезли.

Парень выдохнул с облегчением, словно избежал смертельной опасности.

Хотя на руле не было зеркала, он инстинктивно улыбнулся своему воображаемому отражению и одобрительно кивнул.

Завтрак был простым.

Ли Жань разрезал две квадратные белые паровые булочки пополам, чтобы они походили на ломтики хлеба.

На один ломтик он положил яичницу-глазунью, зелень и ломтик колбасы, на другой — нежную говяжью котлету, зелень и ещё один ломтик колбасы, а сверху полил всё майонезом и соусом «Лао Ган Ма».

Два китайских гамбургера получились идеальными. Ли Жань схватил один и с жадностью откусил, от удовольствия прикрыв глаза. Второй он решил есть медленно, наслаждаясь каждым кусочком. Жуя, он спустился вниз, сунув в карман два яйца, чтобы заплатить Хэй-гэ ежедневную дань.

Когда он подошёл к обычному месту, кот выскочил и оскалился, по традиции вымогая плату, а затем прыгнул в кусты и исчез.

— Эй... — Ли Жань, вертя в руках яйца, растерянно пробормотал: — Тебе яйца не нужны?

Примерно через тридцать секунд Хэй-гэ снова выскочил, на этот раз с ответом на вопрос.

В зубах он держал огромную дохлую мышь. Кот подошёл, гордо вышагивая, с видом настоящего короля.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что хвост мыши ещё подёргивается.

Хэй-гэ не стал подходить близко, а лишь мотнул головой и бросил полуживую добычу к ногам этого никчёмного человека. После нескольких неудачных попыток того добыть себе еду, кот решил лично заняться охотой.

Но человек не оценил его щедрости.

Когда мягкое тельце коснулось ботинка, Ли Жань мгновенно пришёл в себя. Его душа вернулась в тело, и он, исказившись от ужаса, подпрыгнул. Яйца и недоеденный гамбургер выпали из рук, но ему было не до них. Сердце замерло от «смертельной» угрозы со стороны Хэй-гэ.

Спасибо, не надо!

Он пулей бросился домой.

Кот, элегантно усевшись, проводил взглядом убегающего человека и, облизав лапу, недоумённо моргнул. Он ведь отплатил ему добром. Что не так с этими людьми?

Пробежав полпути, Ли Жань вспомнил про упавшую на землю еду и вернулся, чтобы убрать за собой. Но на месте уже ничего не было. От двух разбитых яиц осталась лишь скорлупа.

— Он точно сделал это нарочно, — серьёзно пробормотал Ли Жань. — Специально напугал меня, чтобы отобрать еду. Неужели коты такие умные...

Вернувшись домой, он трижды вымыл ботинки и поставил их сушиться на балкон. Парень завернул их в несколько слоёв бумаги, боясь, что солнце слишком сильно «полюбит» его обувь и она выцветет.

На следующий день, возвращаясь с рынка, Ли Жань снова увидел «Куллинан». Вздыхнув, он опустил голову и принялся разглядывать муравьёв на своём обычном месте. Когда машина уехала, он поспешил скрыться.

А Хэй-гэ сегодня превзошёл сам себя. Когда Ли Жань по дороге в школу дал ему яйца, тот в ответ принёс ему двух мышей, ещё крупнее вчерашних.

Ли Жань так испугался, что, бешено крутя педали, подумал: если так будет продолжаться, он больше никогда не выйдет из дома.

Поэтому со вторника парень перестал ходить на рынок по утрам и кормить кота лично. Он просто бросал яйца в кусты, зная, что Хэй-гэ их найдёт.

Он больше не встречал «Куллинан» и не видел дохлых мышей. Жизнь стала мирной.

Ли Жань был очень терпеливым человеком.

Ради своей цели он мог целую неделю не есть свежих овощей. На этой неделе его основной едой стал рис. Каждый раз он варил по три миски, иначе не наедался.

Мягкий, клейкий рис с грибным соусом, майонезом или «Лао Ган Ма» был по-своему хорош. Ли Жань был непривередлив в еде и ел всё с аппетитом.

Но от такой диеты могли возникнуть проблемы. У Ли Жаня от «внутреннего жара» не появлялись прыщи, но в уголках губ выскакивали язвочки.

В субботу вечером, когда он собирался готовить ужин, в дверь постучали.

Тук, тук, тук.

С тех пор как Ли Жань начал учиться жить один, его бдительность обострилась, словно дикая трава.

Кроме работников коммунальных служб, приходивших для проверки, в его дверь никто никогда не стучал. Стук повторился.

Юноша, затаив дыхание, подкрался к двери и посмотрел в глазок.

...Шэнь Шу.

Хотя они и не разговаривали, Шэнь Шу был другом Чи Мо, а значит, достойным доверия человеком. Ли Жань не осознавал ошибочности такой логики — бдительность ему ещё предстояло тренировать.

Он с недоумением открыл дверь.

— Что-то... случилось? — тихо спросил он.

— Ты уже несколько дней не ходишь за продуктами, дома, наверное, всё закончилось, — дверь была приоткрыта лишь наполовину. При желании можно было заглянуть внутрь и посмотреть на обстановку, но Шэнь Шу стоял на пороге, даже не глядя в ту сторону.

В душе он костерил Чи Мо: этот извращенец целыми днями следит за мальчишкой, знает график его приёмов пищи и даже беспокоится, ходит ли тот на рынок. Это было просто нелепо.

— Чи Мо зовёт тебя на ужин, — сказал Шэнь Шу и добавил: — Это обязательно.

<http://bllate.org/book/15969/1444044>